в зависимости от того, соответствуют ли их поступки духу христианского учения или нет. Автор же, как «твореи волю божию», стремится указать на то, что «прѣбываеть вь вѣкы», чего он достигает абстрагированием в своем изложении

Абстрагированию способствует и употребление греческих терминов, которые сербские авторы тут же поясняют славянскими словами. Так, у Данилы читаем, что король Милутин построил в Константинополе «ксенодохие, глаголемо больнице» (ЖКиАС, 134); в том же сборнике встречаются и другие подобные примеры, как например: «. . . шьдьше сь . . . оуничижениемь вь светыи и славьныи градь Коньстаньтинополь, рекомыи Цариградь» (ЖКиАС, 109). Но иногда автор приводит сначала славянское слово, поясняя греческим термином: «. . . тоу же и помость сьтвори прѣзь ню вь высотоу, еже именоуеть се катихоумении, по немь же ити архиерею вь црьковь божьствьноую» (ЖКиАС, 370—371).

И обыденные поступки и явления в произведениях средневековых сербских писателей приобретают характер чего-то необыкновенного, нуждающегося в пояснении. Это пояснение и придает им черту необыкновенности. Автор, «хоте похвалы достоиные принести Христа вьзлюбивьшиимь», ищет достойных слов и избегает грубых и обыденных выражений. Если же и приходится ему говорить об обыденном, он в своем пояснении как бы извиняется за это.

В рассказе о побеге Растка в монастырь и о его прощании с матерью (которая и не подозревает о том, что задумал сделать ее сын, благословляет его и целует, полагая, что он собрался на охоту) Феодосий передает эту сцену словами: «И мати же, яко матери обычаи, обьемши и цѣловавши любьзно» (ЖС, 8). Когда же стало известно, что Растко остался на Афоне и не помышляет возвратиться к родителям, во дворце Немани всех обуяла скорбь, или, как повествует об этом Феодосий: «. . . плачь крѣпькь и ридание много паче прьвааго сь всѣми благородними сьставльше, сѣтованними яко мирьскыимь обычаи почитають юношоу» (ЖС, 27). Подобно этому и Данило, рассказывая о похоронах короля Драгутина, говорит: «Якоже по достоянию обычаи омыти тѣло мрьтвааго водою» (ЖКиАС, 51).

Смысл же всего этого в том, чтобы обыденное представить как необыкновенное, известное как нуждающееся в пояснении, а следовательно, как возвышенное и недоступное всякому.

Стремление возвысить свое повествование над исторической конкретностью событий и действующих лиц находит свое выражение и тогда, когда авторы о своих героях не сообщают ничего другого, помимо того, что они были благочестивыми христианами, или когда говорят о добродетелях действующих лиц в самых общих словах. Прием этот, очевидно, унаследован у Симеона Метафраста, у которого имеется множество подобных мест. Для примера приведем одно из них: «Οὗτος τῶν εὖ γεγονότων ἀνήρ, ὡς ὁ περὶ αὐτοῦ λόγος διδάξει. Γεννήτορες Χριστιανοὶ τῷ ἀνδρί».[20] Подобное находим в Метафрасте Хиландарском, например в житии Евфимия Великого: «Бѣше нѣкыи отходникь тамо великь, прѣжде мала оубо пришьдь от ликие Герасимь именень»,[21] либо в житии Созонта: «Юноша нѣкто, отчьство оубо имыи Лукаонию и Тарасие иже от рожденіа име Созонт же б[о]ж[ь]ствнныи кръштениемь прѣименовань».[22]

Соответствующие места можно найти в «Сборнике» Данилы. Вот как Данило говорит об архиепископе Арсении: «Сь оубо блаженыи отьць

[20] Migne. Patrologia Graecae, CXII, 397.
[21] JAZU (Архив Югославской АН, собрание рукописных книг), III в. 20, л. 394.
[22] Там же, л. 92 об.